

Особенности вхождения постсоветских республик в систему международных отношений (на примере Грузии)

Васильева Наталия Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Профессор кафедры мировой политики факультета международных отношений
Доктор философских наук
n52basil@gmail.com

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна

Институт специальной педагогики и психологии (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Кандидат политических наук
zeinabb1000@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу особенностей интеграции государств постсоветского пространства (на примере Грузии) в систему международных отношений на фоне происходящих трансформационных процессов. Показана особая роль ООН в становлении государственности новых субъектов политического взаимодействия, а также противоречия в трактовке основополагающих нормативных актов ООН. Сделана попытка осмысления современных тенденций внешнеполитической стратегии Грузии. Авторы пришли к выводу о том, что малым государствам необходимо стремиться к реалистичному пониманию своего места в региональном и в глобальном пространстве мировой политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

трансформационные процессы, международные отношения, геополитика, национальные интересы, международные организации

Vasilyeva N. A., Bakhturidze Z. Z.

Characteristics of Entering Former Soviet Republics into the System of International Relations Referencing Georgia as an Example

Vasilyeva Natalya Alekseevna

Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Department of World Politics of the International Relations Faculty
Doctor of Science (Philosophy)
n52basil@gmail.com

Bakhturidze Zeinab Zelimkhanovna

Institute of Special Education and Special Psychology (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Humanities
PhD in Political Sciences
zeinabb1000@mail.ru

ABSTRACT

The article analyzes the features of the integration of small post-Soviet countries like Georgia, as an example, into the system of international relations with other world transformation processes happening at the same time. It also shows the special role of the United Nations in the formation of a statehood of these new states as subjects of world political interaction, as well as inconsistencies in the interpretation of the basic UN regulations. Attempt is made to understand the modern trends of Georgia's foreign policy strategy. The authors concluded that small states should strive for a realistic understanding of their place in regional and global environment of world politics.

KEYWORDS

transformation processes, international relations, geopolitical and national interests, international organizations

В последние столетия политическая карта мира находится в постоянном процессе трансформации. Этот процесс усилился после образования Лиги наций после Первой мировой войны и особенно после Второй мировой войны и создания Организации Объединенных Наций, в Уставе которой нашел отражение тезис о праве наций на самоопределение и равенстве всех государств. Если в 1945 г. в состав ООН вошло 51 государство, то на данный момент (2015 г.) 193 страны являются членами этой универсальной организации. В результате трансформационных процессов мировой политической системы после Второй мировой войны «на мировую сцену в качестве равноправных акторов международных отношений выходят новые страны и регионы (США, СССР, Япония, Китай, африканские государства и т. д.), а также негосударственные акторы» [7, с. 31]. Фактически стали формироваться абсолютно новые сегменты пространства международных отношений:

- развивающихся государств (бывшие колонии);
- новых европейских государств (республики бывшей Югославии, разьединившаяся Чехословакия и объединившаяся Германия);
- непризнанных государств (в различных регионах мира);
- постсоветских государств (после развала СССР).

«После его распада фактически образовались 15 независимых государств, многие из которых, — отмечают Ю. В. Косов и В. Е. Фролов, — в силу своих геополитических особенностей не представляли особого интереса для основных участников международных отношений» [4, с. 102]. Однако постепенно ситуация стала меняться, что особенно проявилось в XXI в., когда евроатлантические структуры (ЕС и НАТО) постепенно стали втягивать в ареалы своего влияния многие малые государства постсоветского пространства (программы: «Большая Европа — соседи: новая основа отношений с восточными и южными соседями ЕС» и «Партнерство ради мира»).

Как справедливо замечает Н. Косолапов, в современных условиях «суть глобализационной реструктуризации международных отношений и мирового развития заключается в фактическом создании новой архитектуры пространств, которые будут определять жизнь и развитие мира в предстоящие десятилетия: глобальной как по территориальному охвату, так и по организации в рамках этой архитектуры всех ранее возникших и оформившихся основных пространств» [5, с. 10]. Столь многосложная «сегментированность» глобального пространства международных отношений ведет к ряду проблем, например, в понимании характера и путей развития мирового порядка (униполярность или многополярность, центр-периферия и пр.). Кроме того, если еще в недалеком прошлом на политической карте мира главенствовал сегмент крупных по площади и населению государств, то в настоящее время большинство государств может быть отнесено к малым по площади и населению суверенным образованиям. Как подчеркивает грузинский политолог А. Рондели, «в нашем политизированном мире, где пока что очень важно иметь экономическую и военную мощь, которые прежде всего определяют „вес“ и влияние того или иного государства в международных отношениях, малые государства занимают особое место, и интерес к ним быстро возрастает. Особенный интерес вызывают проблема жизнеспособности и „живучести“ малых стран, их функции в международной политической и экономической системах, а также процессы и особенности формирования государственности молодых независимых государств» [8]. Действительно, одна из очень сложных проблем для

новых членов международного сообщества — это вопрос приобретения реально-го международного признания, что особенно сложно для малых государств, впервые выходящих на мировую политическую арену.

2 марта 1992 г. по решению Генеральной Ассамблеи Армения, Азербайджан, Молдова, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан были приняты в члены ООН, а их флаги были подняты перед нью-йоркской штаб-квартирой. Грузия стала членом ООН в июле 1992 г. В 2012 г. бывшие советские республики отметили торжественным приемом в Нью-Йорке 20-летие своего вступления в ООН, что невольно заставляет задуматься о внешнеполитических результатах этих десятилетий. Прежде всего, нужно отметить, что для этих государств ООН стала важной площадкой, на которой они могли осуществлять свою дипломатическую деятельность. Демократизм уставных принципов ООН создает уникальную возможность для малых государств наравне с ведущими государствами мира обсуждать и принимать решения по важнейшим проблемам современности. Так, определенная разочарованность США в деятельности ООН объясняется и тем, что зачастую большинство стран — членов не поддерживают их позицию (например, о ведении военной операции в Ираке в 2003 г.), а ведь большинство и составляют малые государства. Важно понять, что усиление роли малых государств в мировой политике связано с укреплением позиций международных организаций, где формируются условия для недискриминационного характера взаимодействий всех участников в рамках международного права. Кроме того, большое влияние на повышение значимости малых стран оказывают «географические, политические, этнические и экономические условия и факторы, и заинтересованность сильных стран в существовании малых государств. Малые страны помогают сохранять баланс сил на глобальном и региональном уровнях, а их существование определяется функциональной необходимостью» [Там же].

Сложно не согласиться с выводом А. Рондели о том, что «национальные интересы и, следовательно, приоритеты внешней политики малой страны имеют региональное, а не глобальное измерение. В некоторых случаях региональные рамки расширяются, и это изменение связано с положением малого государства в зоне пересечения интересов супердержав, на границах цивилизаций, в „магнитном поле“ или узлах глобальных политических и экономических проблем. Особые параметры приобретают политические и экономические возможности и действия тех малых стран, которые соседствуют с сильным, большим государством» [Там же].

В связи с этим весьма показательна история вхождения Грузии в систему международных отношений, так как именно это малое государство оказалось в центре геополитических интересов крупных игроков мировой политики — России, США и ЕС.

Если обратиться к истории взаимодействия Грузии с международными организациями, то следует отметить ее активное сближение с Западом. Так, в период руководства страной Эдуарда Шеварднадзе Грузия становится ассоциированным членом Североатлантического союза. В 1992 г. Государственный совет Грузии обратился к Генеральному секретарю НАТО с посланием, в котором говорилось о трагических событиях в Абхазии, с просьбой обратить особое внимание на создавшееся там положение. В том же году Грузия присоединилась к Договору об обычных вооруженных силах в Европе. В марте 1993 г. в штаб-квартире НАТО в Брюсселе парламентская делегация Грузии провела переговоры с руководством Североатлантического альянса. Затем туда прибыла делегация Министерства обороны Грузии, которая приняла участие в совещании министров обороны Совета североатлантического сотрудничества. Все эти дипломатические усилия грузинского руководства были направлены на то, чтобы получить международную поддержку своих действий в конфликте с Абхазией. Эдуард Шеварднадзе провел целую серию переговоров не только с правительством Бельгии, но и с руководством НАТО. В ходе всех этих визитов грузинский лидер, имевший большой международный авторитет (ряд лет он возглавлял МИД

СССР при М. С. Горбачеве) стремился продемонстрировать руководству альянса и европейской общественности, что Грузия борется за суверенитет и целостность своей территории. Вследствие этих инициатив и целенаправленной работы посольства Грузии в Евросоюзе и в Бельгии проблемы грузино-абхазского конфликта систематически обсуждались в структурах НАТО и ЕС. В итоге 20 сентября 1993 г. в штаб-квартире альянса был опубликован документ, осуждавший нарушение Соглашения о прекращении огня. Виновной стороной были признаны абхазские сепаратисты.

Осенью 1993 г. поражение правительственных войск в Абхазии и эскалация гражданской войны заставили руководство Грузии скорректировать внешнеполитический курс. Говоря о событиях того периода, Э. Шеварднадзе отмечал: «Утратив надежды на проведение ООН операции по поддержанию мира в Абхазии, руководство Грузии обратилось с аналогичной просьбой к главам государств — участников СНГ. Решение было принято и в зоне конфликта были размещены миротворческие силы СНГ»¹.

Таким образом, возникла ситуация, когда уже не Запад, а Россия оказалась в роли миротворца, что значительно укрепляло ее позиции в кавказском регионе. Начался двухлетний этап военно-политического сближения с Россией, отнюдь не исключающий многовекторность в политике официального Тбилиси. Руководствуясь прагматическими соображениями, грузинская дипломатия стремилась установить полезные контакты на всех возможных направлениях, не отказываясь от западного вектора внешней политики.

Важно подчеркнуть, что Грузия, будучи малой страной, оказалась важной территорией в геополитической борьбе, развернувшейся между Россией и Западом, по проблеме маршрутов транспортировки энергетических ресурсов из каспийских месторождений. Строительство и использование трубопроводов, проходящих через грузинскую территорию, сулило Грузии экономическую стабильность и поддержку Запада, так как своим транзитным потенциалом при реализации проекта Евроазиатского торгово-транспортного коридора в обход Ирана и России она ухудшала геоэкономические позиции этих контрагентов США и ЕС. Таким образом, геополитическое положение Грузии оказало существенное влияние на ее вхождение в систему международных отношений. Благодаря возможности проведения через грузинскую территорию наиболее выгодных путей для транспортировки нефти и газа из стран Средней Азии и Каспийского региона в Европу, Грузия стала важным международным фактором в борьбе России и США за влияние в кавказском регионе. В связи с этим внешнеполитические действия, казалось, такой мало значимой в мировой политике страны стали влиять на ситуацию как на Кавказе, так и на постсоветском пространстве в целом. Показательно в этом плане высказывание американского эксперта А. Козна о том, что «контролируя граничащий с Турцией стратегический район Черноморского побережья и закрывая с запада выход Армении к морю, Грузия как бы держит в своих руках ключ от ворот на Кавказ, являясь плацдармом для выхода западных стран к Каспию и Шелковому пути» [6].

Все указанные обстоятельства способствовали тому, что Грузия становилась объектом повышенного интереса со стороны западных держав:

- Соединенные Штаты проявляли интерес, связанный, прежде всего, с каспийской нефтью, и здесь их экономические и политические интересы пересекались с интересами Российской Федерации;
- европейские страны были также заинтересованы в энергоресурсах региона, но вместе с тем надеялись использовать Грузию в качестве связующего звена

¹ Из выступления Президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе на заседании Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apsny.ge/notes/1128652210.php> (дата обращения: 16.03.2015).

между Европой и Азией в обход России. Поэтому Европейский союз поддерживал Грузию в ее политике ухода от российского влияния и предлагал ей в качестве альтернативы социальную и экономическую помощь, военно-техническое сотрудничество, а в итоге — интеграцию в общий европейский дом.

Бесспорно, что интеграционные процессы являются одной из важнейших тенденций современных международных отношений. Однако на европейском пространстве в 90-ые гг. перед Грузией возникла дилемма — направить свои усилия в сторону интеграции с Россией или в сторону ЕС. В итоге определяющим стал европейский вектор, что во многом было обусловлено позицией России в грузино-абхазском конфликте. Причины выбора прозападного курса внешней политики Тбилиси лежат и в плоскости решения экономической проблемы, проблемы сохранения территориальной целостности и проблемы безопасности. Грузия возлагала большие надежды на западные страны, не получив ожидаемой поддержки со стороны России. В связи с этим весьма показательным участие Грузии в новой модели регионального сотрудничества — ГУАМ. Политико-консультативный форум этой региональной организации, в состав которой изначально вошли Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова, образовался 10 октября 1997 г. в Страсбурге на встрече президентов этих стран в рамках саммита Совета Европы. В принятой тогда Страсбургской декларации отмечалось совпадение их позиций по ключевым международным проблемам, а также необходимость политического сближения и экономического сотрудничества между странами этой группы. 24 апреля 1999 г. к этой группе присоединился Узбекистан, однако позднее он вышел из этой структуры. Расширенное таким образом объединение государств получило название ГУУАМ. Формирование ГУУАМ было связано, прежде всего, с поисками более эффективных и взаимовыгодных схем регионального сотрудничества на постсоветском пространстве. Обоснованно звучит высказывание российского эксперта И. Болговой о том, что «всплески региональных интеграционных инициатив подчеркивают стремление постсоветских государств встраиваться в глобальную экономическую систему. В целом, можно говорить о завершении процесса формирования более или менее устойчивой системы внешнеполитических связей стран СНГ. В первую очередь она характеризуется размыванием „постсоветского“ видения границ субрегионов и растущей тенденцией роста взаимовлияния между государствами, находящимися в непосредственной политико-географической близости» [1].

Главные направления сотрудничества в границах ГУУАМ были обозначены следующими позициями:

- формирование системы политических консультаций и координации усилий в решении общих проблем безопасности;
- политическое взаимодействие в международных организациях — ООН, ОБСЕ, НАТО;
- развитие Евроазиатского транспортного коридора, сотрудничество в сфере добычи и транспортировки нефти в европейские страны;
- развитие многостороннего сотрудничества в области безопасности, урегулирование конфликтов и борьба с сепаратизмом;
- военное и военно-техническое сотрудничество, включая создание многонационального миротворческого батальона, содействие в урегулировании межэтнических конфликтов.

Анализируя причины создания данного международного объединения постсоветских стран, нельзя не согласиться с высказыванием З. Гулиева о том, что «выгодное географическое расположение этих стран, обрамляющих Россию с запада и юга, изначально способствовало росту геостратегической значимости организации и облегчало реализацию задачи создания единого транспортно-энергетического коридора от Каспия до Балтики. Для полной реализации этой стратегической

оси не доставало участия Беларуси, и с этой точки зрения ГУАМ и Запад не раз прилагали усилия по вовлечению в организацию этой страны. Но, как показало развитие событий, ГУАМ во многом не оправдал эти целевые ожидания»¹.

Говоря об особенностях вхождения постсоветских государств в систему международных отношений, важно подчеркнуть значимость информационного влияния западных стран на формирование общественного мнения в этих республиках, что в основном вело к негативному восприятию России. Так, используя «мягкую силу» США участвовали в формировании общественного мнения в грузинском обществе, демонстрируя и подчеркивая негативную роль Российской Федерации во внутриполитических процессах Грузии. Например, в № 57 газеты «Сакартвелос Республика» от 11 марта 1998 г. была перепечатана статья А. Козна из «Washington Post», в которой говорилось о заинтересованности России дестабилизировать обстановку в Грузии. Причиной этому объявлялось желание Москвы сохранить контроль над стратегическими коммуникациями на постсоветской территории Южного Кавказа. Бесспорно, что российское влияние в кавказском регионе в 90-е гг. было значительно ослаблено в связи с противоречивым и сложным процессом становления собственной внешнеполитической линии России в мировой политике.

Фактически в конце 90-х гг. в руководстве и у большей части политической элиты Грузии сложилось мнение, что республика раз и навсегда возьмет курс на Запад. В этот период в грузинской прессе стала проводиться одна главная идея — пора заканчивать политику балансирования между Россией и Западом, необходимо выработать новую внешнеполитическую стратегию. Как результат, на саммите СНГ (апрель 1999 г.) Грузия вышла из Договора о коллективной безопасности стран Содружества. Политическая элита Грузии с энтузиазмом восприняла вступление республики в Совет Европы в апреле 1999 г. В том же году после ратификации в парламенте Грузии, европейском парламенте и во всех национальных парламентах государств — членов Союза, вступило в силу соглашение о сотрудничестве с ЕС.

7 марта 2013 г. парламент Грузии принял резолюцию, определяющую основные направления внешней политики страны, обозначив, среди прочих, следующие пункты:

«11. Грузия ведет диалог с Россией как с использованием проходящих в Женеве международных механизмов, так и в двустороннем формате. Целью этого диалога является урегулирование конфликта, формирование добрососедских отношений и развитие.

18. Грузия не может иметь дипломатические отношения с теми государствами, которые признают независимость Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии. Грузия будет проводить последовательную политику для обеспечения неизменности международного уважения своей территориальной целостности и суверенитета.

19. Исходя из интереса укрепления национальной и региональной безопасности, а также развития мирного процесса и необратимости „политики непризнания“, Грузия должна в значительной степени углубить многосторонние дипломатические отношения в форматах сотрудничества с ООН, ОБСЕ, Советом Европы, Еврокомиссией, ГУАМ, ОЧЭС»².

Ряд положений данной резолюции свидетельствует о том, что внутривнутриполитический конфликт, переросший в фактическое отделение от Грузии Абхазии и Южной Осетии, определил современные позиции Грузии в международных отношениях. Очевидно, что военный путь решения конфликта бесперспективен, однако практически отсутствуют какие-либо намерения идти по пути налаживания переговорно-

¹ Гулиев З. От аббревиатуры ГУАМ может остаться только «Г» / З. Гулиев [Электронный ресурс] // URL: http://www.newsab.ru/politics/id_288297/ (дата обращения: 20.03.2015).

² Основные направления внешней политики Грузии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apsny.ge/2013/pol/1362718907.php> (дата обращения: 17.12.2014).

го процесса, например, в формате многостороннего участия ряда влиятельных стран и международных организаций.

К сожалению, Грузия во многом выступает не как субъект международных отношений, а как объект геополитической борьбы России и Запада за влияние на постсоветском пространстве. В определенном смысле, политическим постулатом является утверждение, что малые государства всегда находятся под геополитическим воздействием региональных лидеров. Практически вся их политика определяется тем, чью сторону они займут в спорах государств данного уровня. Как пишет Н. А. Комлева, «роль разменной монеты приносит малым государствам определенную выгоду: финансовые вливания, строительство промышленных объектов на их территории и обучение национальных кадров при помощи великих держав» [3]. На примере Грузии это очень заметно, так как США и ЕС активно помогают Грузии, а Россия всячески поддерживает практически никем непризнанные Абхазию и Южную Осетию. При этом важно подчеркнуть, что в данном споре России и Запада относительно грузинской государственности обе стороны обращаются к международному праву. Так, в Уставе ООН прописаны два во многом взаимоисключающих положения: право наций на самоопределение и нерушимость суверенитета государств.

Признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии вновь продемонстрировало широкий спектр возможностей интерпретации нормативных положений ООН. Несмотря на то, что при вхождении Грузии в состав ООН Абхазия и Южная Осетия официально входили в ее состав, президент Российской Федерации издает Указ о признании их независимости, апеллируя к Уставу ООН, Декларации 1970 г., Хельсинскому заключительному акту СБСЕ 1975 г. и другими основополагающими международными документам. Более того, деятельность миссий ОБСЕ и ООН в Закавказье не позволила (как и во многих других ситуациях) найти компромиссное, устраивающее все стороны мирное решение затянувшейся более чем на полтора десятилетия конфликтной ситуации [2, с. 112].

В 2013 г. Грузия пыталась внести в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН обсуждение резолюции о затянувшихся конфликтах на территории стран — членов ГУАМ. Политическая цель состояла в том, чтобы максимально «интернационализировать» проблему территориальной целостности Грузии, апеллируя к принципу главенства идеи государственного суверенитета над идеей национального самоопределения.

Пытаясь осмыслить процессы стремления к независимости и национальному самоопределению, мы вновь обращаемся к феномену нации. Сегодня «глупо спорить и смешно бороться с тем, что <...> именно „нация“ — мета всего того конкретного, что противостоит реющему в виртуальных высях глобализму. Борьба происходит на другом уровне — на уровне трактовки самой „нации“»¹. Существует как минимум два подхода к пониманию нации. Если обобщить, согласно одному из них, то нация — этническая общность с единым языком и самосознанием. Согласно другому подходу, нация — политическая общность граждан определенного государства. Хочется обратить внимание на то, что в терминологии международного права нация является синонимом государства. Однако в современном мире наблюдается явная тенденция к пересмотру данной трактовки государства. Более того, стремление ряда регионов отдельных европейских стран стать самостоятельными государствами (Каталония, Шотландия и пр.) свидетельствует о том, что крайне сложно найти компромиссное решение в споре двух подходов — право наций на самоопределение и право государственного суверенитета.

¹ Гачев Г. глобальное и национальное: чья возьмет? [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/9/konf-pr.html> (дата обращения 15.02.2015).

Возвращаясь к проблеме малых стран, в данном случае Грузии, и ее особенностях вхождения в систему международных отношений, представляется важным привести мнение грузинского профессора Александра Рондели: «Действия слабых стран не оцениваются теми же критериями, что и действия сильных. Эти последние действуют независимо, не полагаясь на других, а малые, слабые страны, как известно, могут рассчитывать лишь на поддержку более сильных стран и обеспечивать свою безопасность, занимая „силу“ у других. Учитывая это, у малых квази-государств, соседей России, расположенных в сфере ее влияния, ответственности и интересов, нет возможности выбрать путь неприсоединения, нейтралитета. Следовательно, Грузия в силу своей слабости, проистекающей из внутренних и внешних условий и факторов, практически должна рассчитывать на союз с Россией, который должен принести ей гарантии суверенитета, территориальной целостности, безопасности и экономические выгоды» [8].

Таким образом, опыт участия постсоветских республик в системе международных отношений на примере Грузии свидетельствует о том, что малым государствам необходимо больше сил прикладывать к использованию всевозможных дипломатических форм для мирного разрешения внутривнутриполитических конфликтов, а также стремиться к сбалансированному реалистичному пониманию своего места как в региональном постсоветском пространстве, так и в глобальном пространстве мировой политики. В частности для Грузии, на наш взгляд, был бы интересен опыт организации дипломатического переговорного процесса по корейской проблеме с привлечением ведущих мировых держав. В этом контексте Грузия изменит свое положение с позиций «боевого поля» на статус полноправного участника мирного переговорного процесса, результатом чего может стать стабилизация ситуации на Южном Кавказе и развитие интеграционных процессов.

Литература

1. Болгова И. В. Параметры политической стабильности в поясе СНГ [Электронный ресурс] // Международные процессы. Т. 8. № 3(24). Сентябрь-декабрь 2010. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-four/009.htm> (дата обращения: 20.03.2015).
2. Загладин Н. В. Конфликт вокруг Грузии в глобальном контексте // Дестабилизация мирового порядка и политические риски развития России. М. : ИМЭМО РАН, 2010. 138 с.
3. Комлева Н. А. Лимитроф как геополитическая технология / Н. А. Комлева [Электронный ресурс] // Известия уральского государственного университета. № 3(78). 2010. URL: <http://elar.ufu.ru/bitstream/10995/19245/1/iurp-2010-78-04.pdf> (дата обращения: 21.03.2015).
4. Косов Ю. В., Фролов В. Е. Интеграционные процессы Евразийского региона: анализ основных этапов // Управленческое консультирование, 2013. № 10. С. 102.
5. Косолапов Н. А. Глобализация: территориально-пространственный аспект // МЭМО. 2005. № 6. С. 3–13.
6. Коэн А. США, страны Центральной Азии и Кавказа: проблемы и перспективы взаимоотношений [Электронный ресурс] // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2. URL: <http://www.ca-s.org/journal/cas-08-2000/05.kohen.shtml> (дата обращения: 12.03.2015).
7. Лагутина М. Л. Мировая политика как инструмент управления новой системой международных отношений // Вестник международных организаций. 2011. № 1(32). С. 29–40.
8. Рондели А. Грузия в постсоветском пространстве [Электронный ресурс] // URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/crs/caucasus/rondeli.htm> (дата обращения: 21.03.2015).

References

1. Bolgova I. V. *Parameters of political stability in a CIS belt* [Parametry politicheskoi stabil'nosti v poyase SNG] [Electronic resource] // International processes [Mezhdunarodnye protsessy]. V. 8. N 3(24). September-December, 2010. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-four/009.htm> (date of the address: 20.03.2015).

2. Zagladin N. V. *The conflict round Georgia in a global context* [Konflikt vokrug Gruzii v global'nom kontekste] // Destabilization of a world order and political risks of development of Russia [Destabilizatsiya mirovogo poryadka i politicheskie riski razvitiya Rossii]. М. : IMEMO RAS [IMEMO RAN], 2010. 138 p.
3. Komleva N. A. *Limitrophe as geopolitical technology* [Limitrof kak geopoliticheskaya tekhnologiya] [Electronic resource] // News of the Ural state university [Izvestiya ural'skogo gosudarstvennogo universiteta]. N 3(78). 2010. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/19245/1/iurp-2010-78-04.pdf> (date of the address: 21.03.2015).
4. Kosov Yu. V., Frolov V. E. *Integration processes of the Euroasian region: analysis of the main stages* [Integratsionnye protsessy Evraziiskogo regiona: analiz osnovnykh etapov] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 10. P. 102.
5. Kosolapov N. A. *Globalization: territorial and spatial aspect* [Globalizatsiya: territorial'no-prostranstvennyi aspect] // IEandIR [MEiMO]. 2005. N 6. P. 3–13.
6. Cohen A. *USA, countries of Central Asia and Caucasus: problems and prospects of relationship* [SShA, strany Tsentral'noi Azii i Kavkaza: problemy i perspektivy vzaimootnoshenii] [Electronic resource] // Central Asia and Caucasus. 2000. N 2. URL: <http://www.ca-c.org/journal/cac-08-2000/05.kohen.shtml> (date of the address: 12.03.2015).
7. Lagutina M. L. *World politics as instrument of management of new system of the international relations* [Mirovaya politika kak instrument upravleniya novoi sistemoi mezhdunarodnykh otnoshenii] // Bulletin of the International Organizations [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii]. 2011. N 1(32). P. 29–40.
8. Rondeli A. *Georgia in the former Soviet Union* [Gruziya v postsovetskom prostranstve] [Electronic resource] // URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/crs/caucasus/rondeli.htm> (date of the address: 21.03.2015).